

УДК 811.161.1'371+81'276.12

doi 10.17072/2037-6681-2016-4-40-48

НЕВЕСТА БЕЗ МЕСТА, ЖЕНИХ БЕЗ УМА: О МНОЖЕСТВЕ СМЫСЛОВ ОДНОЙ ПАРЕМИИ¹

Олеся Дмитриевна Сурикова

редактор топонимической лаборатории кафедры русского языка и общего языкознания
Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина
620000, г. Екатеринбург, просп. Ленина, 51. surok62@mail.ru

научный сотрудник

Российский государственный профессионально-педагогический университет
620012, г. Екатеринбург, ул. Машиностроителей, 11

Статья посвящена установлению смысла известной пословицы *Невеста без места, жених без ума* и, в частности, фигурирующего в ней широкозначного слова *место*. Учитывая матримониальный характер паремии, автор рассматривает ее в контексте свадебного обряда и приходит к выводу, что в основе этого текста лежит игровой прием неразличения нескольких значений лексемы *место*: 'почетное место на свадьбе', 'приданое', 'супружеское ложе' и 'vagina'. В зависимости от того, какое из значений слова актуализировано, непригодность невесты к свадьбе объясняется как в самом невинном, так и в скабрёзном ключе: невеста, лишённая полагающегося ей места за свадебным столом; бесприданница; неспособная к сексуальной жизни или нечестная. Для подтверждения гипотезы к анализу привлекается русская диалектная, просторечная и жаргонная лексика, некоторые инославянские лексические факты, а также фольклорные тексты (пословицы, загадки, частушки, песни, любовные заговоры, сказки), в которых слово *место* выступает в качестве эвфемизма и называет женские половые органы. Реконструируется смысл ряда «темных» слов (*малое место*) и паремий (*Добивай шило в черен! Осаживай обручи до места!*).

Ключевые слова: русская диалектная лексикология; фольклор; этнолингвистика; семантико-мотивационная реконструкция; теория многозначности; свадебный обряд.

В статье пойдет речь о широко известной пословице *Невеста без места, а жених без ума* [Даль ПРН 1: 454; Снегирев 1999: 183], смысл которой часто остается неясным для современного носителя русской культурно-языковой традиции. Это подтверждает толкование, распространенное в сети Интернет и впервые предложенное Н. М. Никольским в его «Истории русской церкви»:

«С XVIII в. наследственная передача церковных приходских должностей и торговля ими стали постоянным и повсеместным обычаем. <...> Взрослый сын наследовал место отца. <...> При отсутствии сыновей место передавалось дочери, т. е. ее мужу. Невеста выбирала себе жениха и представляла его на утверждение владыки. <...> Так как от кандидатов на священнические места требовался образовательный ценз, то “жених без ума” не годился, искали жениха “с умом”. <...> Если невеста по бедности прихода или по своим личным качествам попадала в такое неприятное положение, что к ней “не случается ни философ

ни богослов”, то к ней приходил на помощь архиерей. Он отправлял ее в бурсу, и училищное начальство объявляло о ней всем “философам и богословам”, а для удобства “оглядин” ставило невесту у дверей класса. Если не всегда находилась жених “с умом”, то не всегда оказывалась и невеста “с местом”. <...> Теперь для нас понятна поговорка “Невеста без места, жених без ума”. Хуже этой комбинации в духовной среде XVIII и начала XIX в. ничего не могли себе представить» [Никольский 1985: 213–214].

Об ошибочности такой трактовки свидетельствует хотя бы наличие у пословицы вариантов: *Невеста без места, жених без куска / без уса / без порток* [Даль ПРН 1: 454; 2: 331; Подвысоцкий 1885: 95]. Замена атрибута жениха – *ума* (при неизменности атрибута невесты) – приводит к разрушению всей концепции.

Предпосылка заблуждения интерпретаторов состоит в полисемичности слова *место*, называющего в пословице некую необходимую принадлежность невесты. Ср. только некоторые его зна-

чения в русском литературном языке и народных говорах: общенар. ‘пространство земной поверхности’, ‘определенное пространство, на котором можно расположиться, поместиться; пространство, предназначено, определенное для кого-либо’, разг. ‘должность, служба’; литер. ‘какая-либо часть, отрывок (книги, музыкального произведения и т. п.)’; спец. ‘отдельная вещь, отдельный предмет багажа, груза (тюк, кипа, ящик, штука и т. п.)’ [ССРЛЯ 6: 884–890]; диал. ‘город’, ‘родина, место рождения’, ‘какая-либо вещь, предмет’, ‘вес чего-либо’, ‘определенный отрезок времени’ [СРНГ 18: 128–131] и мн. др. (о причинах подобного семантического синкретизма см.: [Варбот 2007; Топоров 2004]).

Задача автора этой статьи – попытаться установить значение (или значения) лексемы *место*, которое реализуется в поговорке, и, отталкиваясь от этого, объяснить смысл всего текста. Для этого необходимо учитывать матримониальный характер поговорки и рассматривать ее в контексте свадебного обряда, принимая во внимание высокую символичность свадебного текста и полисемичность составляющих его символов.

В свадебном словаре лексема *место* входит в ряд устойчивых сочетаний, зачастую непосредственно связанных с образом невесты: яросл. *садиться в княжеское место* ‘выходить замуж’ [СРНГ 13: 348], ленингр. *на место посадить* ‘выдать замуж, пристроить’ [СРГК 3: 230], влг. *обдуть местечко* ‘получить возможность выйти замуж’ [СРНГ 22: 25], орл. *откупать место* ‘в свадебном обряде – во время девичника вносить плату деньгами, конфетами и т. п. за возможность жениху сесть рядом с невестой’ [СОГ 6: 128], пск. *место покупать* ‘после венчания платить подругам невесты, сидящим за столом, чтобы они оставили невесту одну’ [СРНГ 18: 130], орл., омск., приирт. *место продавать* ‘просить выкуп (деньги, угощение и т. п.) с жениха и (или) его друга за право сесть рядом с невестой’ [Костромичева 1998: 79; СРГС 2: 274; СРСГСП 2: 129], перм. *место греть* ‘обрядовая процедура приготовления места для жениха и невесты во второй день свадьбы’ [ЭССТСП: 44]. В символическом словаре свадьбы приведенные фразеологизмы реализуют пространственный код: слово *место* в их составе означает ‘пространство, на котором можно расположиться, сесть’, но не любое, а вполне определенное – почетное место, занимаемое молодоженами, в частности невестой, на свадьбе (ср. здесь влад. *княжеское место* ‘почетное место на свадьбе’ [СРНГ 18: 130], др.-рус., ст.-рус. *мѣсто* ‘украшенное сиденье, кресло, трон для почетных или высокопоставленных лиц (обычно на возвышении)’ [СлРЯ XI–XVII вв. 9: 115]). Пословичное указание на отсутствие у невесты *места* – обязательного ролевого обрядово-

го локуса – определяет, таким образом, статус девушки: она вовсе не невеста (ср. редуцированный вариант поговорки: пск., яросл., костром. *невеста без места* ‘о девушке, долго не выходящей замуж’ [СРНГ 20: 334; ЯОС 6: 126; ЛКТЭ]).

Однако принять эту интерпретацию как единственно возможную не позволяет многозначность слова *место* не только в системе языка в целом, но и непосредственно в свадебном дискурсе. Так, привлекает внимание дон., ворон., влг., арх., кемер. *глядеть (смотреть) место* ‘в свадебном обряде – глядеть, осматривать хозяйство жениха’ [СРНГ 18: 129], влг. ‘осматривать хозяйство жениха или невесты’ [СВГ 4: 82], волг. ‘осматривать подворье и приданое невесты’ [БСП: 397], а также арх., влг. *местогляды* ‘сваты’ [КСГРС]. Вероятно, эти «имущественные» смыслы лексемы *место* сформировались на базе присущей ей семантики освоенного пространства, ср. ю.-урал., ср.-урал., свердл., ряз. *место* ‘земельный участок отдельного хозяйства, усадьба’, томск. *подворное место* ‘усадьба’ [СРНГ 18: 128], а также однокоренное слово *помѣстье* в аналогичных значениях (влг., свердл., омск., енис., амур. ‘дом с надворными постройками’), в том числе в словаре свадьбы: карел. (рус.) *женихово помѣстье* ‘дом жениха’, арх., дон. *помѣстье глядеть, смотреть* ‘свадебный обряд осмотра имущества жениха (дома, построек, скота и т. п.)’ [СРНГ 29: 208], енис. *помѣстник* ‘один из участников свадебного обряда’ [СРНГ 29: 207] (судя по контексту, *помѣстниками* называются сваты: «Нет ли, может, на князем месте и поместников? – Есть видно! Так благословите русу косу выкупить!»).

Если *место* в значении ‘хозяйство, подворье’ реализует ту же семантическую линию, что и лексема *помѣстье*, то арх. *место* ‘приданое’ [СРНГ 18: 129], кажется, должно иметь иной мотивационный генезис – или, по крайней мере, дополнительный смысловой импульс. Связано это с обстоятельствами экстралингвистического характера. Как известно, состав приданого определялся благосостоянием семьи невесты, при этом земельный надел, скот, домашняя утварь и хозяйственные орудия не были обязательными его элементами – в «минимальный набор» входили личные вещи и одежда невесты (см.: [Гура 2012: 320]), а кроме того, постельные принадлежности. Стоит ожидать, что представления о приданом должны оязыковляться в рамках предметного, а не пространственного кода.

Действительно, лексема *место* имеет ряд «материальных» значений, которые могли повлиять на возникновение интересующей нас семантики: олон., карел., арх., перм., свердл. ‘какая-либо вещь, предмет’, сиб., камч. ‘шкурка соболя, лисицы’, свердл. ‘товар, богатство’ [СРНГ

18: 129], ст.-рус. *мѣсто* ‘отдельный предмет из клади, груза; штука, мешок’ [СлРЯ XI–XVII вв. 9: 117]². Однако гораздо более значимыми представляются случаи обозначения с помощью слова *место* базового элемента приданого – постели и постельных принадлежностей³: *место* арх., влг., пск., печор., ср.-урал., оренб., сев.-двин., коми (рус.), якут. ‘постель’ [КСГРС; ПОС 18: 174; СРГНП 1: 416; СРГСУ 2: 128; СРНГ 18: 128], арх. ‘постель, перина, тюфяк, ложе’ [Даль 2: 966], печор., мурм. ‘принадлежности для спанья’, печор. ‘перина’ [СРГНП 1: 416–417; Меркурьев 1979: 77], мурм., арх. ‘всякая постельная принадлежность’, арх., мурм., карел. (рус.) ‘мягкая подстилка на кровать, набитая пухом, перьями или ватой; перина, матрас’ [СРГК 3: 227–228], сев.-вост. ‘постель, постельные принадлежности’ [Зотов 2010: 271], ср. еще моск. *выкупать мѣсто* ‘в свадебном обряде: выкупать постель’ [СРНГ 18: 130]⁴. Вероятно, следует говорить о генерализации семантики лексемы *место* в свадебном дискурсе: ‘постельные принадлежности’ → ‘приданое’, ср. показательные контексты: мурм. «А придано – места: перины, простыни да подушки, у кого есть из посуды» [СРГК 3: 227–228]; печор. «Невеста будет наперво место готовить: перину, две подушки, две простыни» [СРГНП 1: 416–417]⁵.

Таким образом, можно принять версию, что в пословице *Невеста без места...* речь идет о бесприданнице. Подобное объяснение смысла паремии было предложено А. И. Подвысоцким [1885: 95]: арх. *Невеста без места, жених без порток* – «о бедных брачующихся». Обращение к символическим значениям атрибутов жениха, которые упоминаются в вариантах пословицы, подтверждает справедливость такой трактовки: *жених без порток* (ср. арх. *беспорто́чник* ‘нищий, оборванец’ [АОС 2: 14]), *жених без куска* (ср. пск., иркут. *кусóк* ‘пища, питание; стол’, новг. *в кускѣ жить* ‘жить в достатке’, нижегор. *колотиться с кускá на кусóк* ‘испытывать большую нужду’ [СРНГ 16: 158] и пр.). Тем не менее и такая интерпретация не может быть признана окончательной.

Причина состоит в том, что *место* в словаре свадьбы называет не только постель (любую) и постельные принадлежности, но и непосредственно супружеское ложе – «место совершения супружеского акта молодых в брачную ночь, связанное с символикой девственности и дефлорации невесты и продолжения рода» [Гура 2012: 331]: *мѣсто* печор., беломор. ‘свадебная постель, супружеское ложе’ [СРНГ 18: 128; СРГНП 1: 416–417], беломор. ‘кровать с настланными на нее постелями, подушками и одеялом для новобрачных, убранная кровать молодоженов’ [Дуров 2011: 223]. Учитывая, с одной стороны, выде-

ленность постели – брачного ложа в предметном коде свадебного обряда⁶, а с другой стороны, наполненность свадьбы эротической символикой, тяготение текста свадебного обряда к эвфемизации, можно заподозрить существование у пословицы *Невеста без места, жених без ума* сексуального подтекста⁷. Это предположение поддерживается и спецификой жанра – известной склонностью паремий к двусмысленности и иносказательности: в пословицах и загадках часто используются эротические ассоциации при метафорическом представлении бытовых ситуаций, а невинные на первый взгляд тексты нередко имеют сексуальную подоплеку / разгадку.

Чтобы обосновать гипотезу о «заветном» смысле пословицы *Невеста без места...*, нужно обратиться к эвфемистической функции лексемы *место* и сочетаний с ее участием. Это слово способно номинировать любую часть человеческого тела, ср. карел. (рус.), ленингр. *мѣсто* ‘члены, органы, части тела’ [СРГК 3: 227–228], печор. *всякое (каждое) место* ‘каждый член тела, всё тело’ [СРГНП 1: 417]. Подобные значения продолжают базовую пространственную семантику *места*: добавляя к этой лексеме указательные местоимения (*то, это* и под.) и иллюстрируя высказывание соответствующими жестами, можно обозначить любой предмет в пространстве, а также всякую точку пространства, в том числе всякую точку человеческого тела (ср. фразы типа *в том месте утонул ребенок; у меня болит в этом месте*, аналогичные по смыслу сообщениям, в которых используются указательные наречия (наречия места): *там утонул ребенок; у меня болит здесь / тут*). Если есть необходимость назвать конкретный соматический объект, универсальный топографический индикатор *место* сопровождается уточняющей характеристикой: *пóлое мѣсто* влг. ‘висок’ [СВГ 4: 82], карел. ‘место между талией и грудью’ [СРГК 3: 200], иркут. ‘жировые и мышечные ткани в организме’ [СРНГ 18: 130], печор. *родовое мѣсто* ‘родимое пятно’ [СРГНП 1: 418], яросл. *рóбкое мѣсто* ‘локтевой сустав, который очень болит при ушибе’ [ЯОС 8: 133]⁸. Однако чаще всего описательные конструкции, реализующие модель «N место», выступают в качестве эвфемизмов и обозначают органы телесного низа / половые органы: простореч., шутол. *мягкое место*, разг. *одно место*, разг. *чувствительное место*, урал. казаки *целое место* ‘зад, ягодицы’ [БСРП: 397–398; Малеча 2: 423], разг. *причинное место*, разг. *одно место*, разг. *интимные места*, простореч. обл. *грѣшное мѣсто*, простореч. *стыдное место*, разг. *чувствительное место*⁹, перм. *неудобное мѣсто*, волг. *притимное место* ‘половые органы’ [БСРП: 396–397; Сеничкина 2008: 145; ФСПГ: 216; СВДГ: 316], яросл. *ста-*

рое *место* ‘женские половые органы’ [СРНГ 18: 130], коми (рус.) *сладенько место* ‘о детородном органе’ [СРГКПО: 148], разг. *чувствительное место* ‘женская грудь’ [БСРП: 398], ленингр. *пустое место* ‘место между бедрами в нижней части живота; пах’ [СРГК 3: 228] и т. д.¹⁰

Симптоматично, что табуированные части тела и органы могут номинироваться с помощью лексемы *место* и без привлечения конкретизаторов: арх. *мистечко* ‘пах’ – «Кила-то в мистечке была у парнишки, килы в мистечках у их часто», влг. *местечко* ‘женские половые органы (и далее – девичья честь)’ – «Местечко своё до сварьбы уберегла» [КСГРС], ср. белорус. диал. (туров.) *место* ‘зад человека’ [ТС 3: 77]. В подобных случаях *место* лишается роли универсального топографического индикатора, которую оно играет в описательных конструкциях, и становится «самостоятельным» эвфемизмом (эвфемизация на основе механизма генерализации семантики: ‘запретные’ органы’ → ‘любая часть человеческого тела’ (*место*) – как в известных примерах типа ‘волк’ → ‘любое животное’ – *зверь*).

Заместительная номинация *место*, функционирующая самостоятельно или в составе сочетаний, имеет традицию употребления в фольклоре, где обозначает в большинстве случаев женские половые органы (ср. выражение *местечко отмыкать* ‘процесс совокупления’, которое А. В. Сидорович [2009] относит к числу базовых средств номинации коитуса)¹¹. Показательны следующие контексты:

● загадка, оперирующая смелыми ассоциациями:

*Не знаю, какое место́
Все шерстью поросло:
Придет беда –
Потечет вода <глаза> (Татар. АССР)
[Миненок 1995: 377];*

● фрагмент песни:

*Ты не сказывай, Дуняша,
Что я лазил на тебя,
Ты скажи, скажи, Дуняша,
Что я козу доила,
Она рогом пробила.
Никогда это местечко
Коза рогом не будет,
Оботрется, обомнется,
Все по-старому пойдет,
Ена мохом зарастет (перм.)
[Иванова, Кляус, Черных 1995: 135];*

● частушка:

*Ох вы, глазки мои,
Что-то замутились?
За чувствительное место
Парни ухватились! (моск.)
[Кулагина 1999: 130];*

● присказка, по всей вероятности, иносказательно изображающая коитус:

Добивай шило в черен! Осаживай обручи до места! [Даль ПРН 1: 649]¹².

Эвфемистическая конструкция *N место* встречается в рукописных любовных заговорах:

*...Как стоят столбы дубовые верей, яеновые, и так бы стояли у сего раба Божия имярек семьдесят жил, семьдесят составов и становая жила, белые муди, румяные и ярые яйца, шили бы всякое в **полое место**, в жену или девку, в парня, в гузно и в п**ду, во всякой день и во всякой час, в денных и ноцных, поутру и вечерью... (1734 г., арх.?) [Кляус 1995: 353];*

*...Так бы и у меня, раба Божия (имярек), все семьдесят три жилы и вси семьдесят три жилы-суставы были бы костяны, и вся и становая ж жила была бы костяна, и стояла б она на жуе сто раз и тысячу на пострекание, на **малое место** на женскую нифцу и девичью... (сер. XVIII в., костром.?) [Кляус 1995: 355]¹³.*

Малое место, которое появляется в последнем тексте, означает, как и в прочих случаях, ‘vagina’, ср. параллели в других славянских языках, приводящиеся в [СД 5: 249]: «У женщин утроба состоит из двух частей, которые противопоставляются как верхняя и нижняя или как большая и малая (болг. *горен / долен корем*, *горно / должно сърце*, *голям / малък корем*), причем в нижней части находится орган деторождения – матка». О том, что для русской языковой традиции такое воплощение представлений о женских половых органах не окказионально, свидетельствует фрагмент сказки, в которой обыгрывается матримониальная ситуация – первая брачная ночь:

Вот пришел Иванушка ночью и лег с Машуткою. Она и спрашивает:

*<...>
– Надо посмотреть: хороши ли у тебя струмент?*

– На, посмотри, – сказал он и развязал гашиник, – я этим богат!

*– Да эдакой-то мне велик! Посмотри, **какая** у меня **маленькая!***

*<...>
– Дай-ка я попробую: придется ли?*

*И стал пробывать; х** у него колом стоит; как махнет ее – ажно изо всех сил она закричала:*

– Ох, как больно кусается!

*– Не бось! Ему **места мало**, так он и сердится.*

*– Ну вот, я ведь сказывала, что **место-то** для него **мало!** («Первое знакомство жениха с невестой») [Афанасьев 1997: 57–58].*

Смеховой эффект в этом тексте достигается путем неразличения двух значений слова *место* – ‘определенное пространство’ и ‘vagina’. Думается, что подобный игровой прием лежит и в основе разбираемой нами поговорки *Невеста без места, жених без ума*: полисемичность *места* в

свадебном и «околосвадебном» дискурсе позволяет трактовать паремию разными способами, объясняя непригодность невесты как в самом невинном, так и в скабрёжном ключе – невеста, лишённая полагающегося ей места за свадебным столом; бесприданница; неспособная к сексуальной жизни¹⁴ или нечестная (ср. приводившийся выше пример: влг. *местёчко* ‘женские половые органы (и далее – девичья честь)’ – «Местешко своё до сварьбы уберегла» [КСГРС]).

На мотиве нечестности невесты следует остановиться подробнее. Соответствующий феномен, как и супружеская измена, устойчиво табуируется (см.: [СД 5: 225]), и выражения, содержащие лексему *место* ‘постель’ / ‘супружеское ложе’ / ‘vagina’, способны иносказательно описывать оба явления. Ср., например, волг. *ещё и место не простыло* ‘употр. при оценке поведения супруга(-и): быстро забыть о смерти жены (мужа) и снова жениться (выйти замуж)’ – «Ищё и места ни прастыла – эт када жына умирла, пахаранил и сразу уже бабу привёл» [СВДГ 3: 316]. Здесь же необходимо упомянуть пословицы *Жених с места, другой на место* [Даль ПРН 1: 455] и *Хваля другу невесту, а сам к месту* [Снегирев 1999: 267]. Примечателен обценный текст, сопровождающий свадебный пир на Пинеге, который завершается следующим пассажем: *Стряпка стряпала блины с заплатками, пироги с надставками: снизу подгорело, по краям заплело, в середине тесто, тут тебе, е**на мать, и место* [Иванова, Кляус 1995: 165]. Можно предположить, что это своего рода предупреждение о возможной нечестности невесты (еще не проверенной женихом): в случае если невеста оказывалась «порченной», во время застолья во второй день свадьбы «семья жениха проделывала отверстия в еде (блине, хлебе, пироге, яичнице), подавала напитки в худой посуде или в черепках» [СД 2: 36], обозначая таким образом нарушение целостности *хупен*. Сексуальные коннотации текста усиливает упоминание блинопечения – яркой метафоры коитуса (подробно об этом см.: [Мороз 2016]).

Отдельного рассмотрения заслуживает реплика дружки, которая приводится в [Даль ПРН 2: 337] и произносится, по всей видимости, при обряде выкупа невесты или выкупа постели у ее родственников и подруг: *Пожалуйте мне невесту, уступите место!* Кажется, в этом случае мы снова имеем дело с жонглированием смыслами, присущими лексеме *место*: слова дружки, с одной стороны, могут расцениваться как «законное» требование «женским» персонажам (F-персонажам в терминологии Г. А. Левинтона [1991]) передать невесту в «стан» жениха или освободить постель новобрачных; с другой стороны, в реплике может содержаться шуточный

намек на сексуальные «полномочия» дружки, который не только имеет непосредственный доступ к супружескому ложу и молодоженам во время первой брачной ночи, но и «в случае необходимости замещает жениха, совершая дефлорацию невесты» [Гура 2012: 133].

В завершение снова обратимся к паремии *Невеста без места...*, точнее ко второй ее части, где упоминаются атрибуты жениха: *ум, усы, кусок и портки* (в разных вариантах текста). Символика большинства этих объектов подтверждает гипотезу об эротическом подтексте пословицы: портки напрямую связаны с телесным низом и сферой сексуального¹⁵ (жених без порток нелеп, а невеста без места бесчестна); усы – маркер половой и социальной зрелости мужчины (безусый жених так же не готов к свадьбе, как неспособная к сексуальной жизни невеста); жених, лишенный ума, не бдителен и берет в жены нечестную девушку (ср. паремию, указывающую на мнительность жениха: *Жениху много на ум идет* [Снегирев 1999: 107]).

Разумеется, на «заветном» содержании нашей пословицы (определяющемся контекстной семантикой слова *место* – ‘vagina’ → ‘честь’ / ‘сексуальная пригодность’) невозможно настаивать: результаты произведенного исследования сложно верифицировать, а каждая из «невинных» трактовок (невеста, лишённая почетного обрядового локуса; бесприданница) имеет право на самостоятельное существование – и, вероятнее всего, существует. Однако, думается, рассмотрение «темного» слова *место* в свадебном дискурсе (где оно особенно активно не только в силу своей полисемичности, но и за счет удачной рифмовки с ключевым термином *невеста*), установление его семантических возможностей и функциональной роли – в том числе в качестве эвфемизма – в текстах других фольклорных жанров и в системе языка небесполезны для понимания «многослойности» фольклорного произведения, в котором это слово встречается, для осознания игрового и контекстного потенциала паремий¹⁶.

Примечания

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 16-18-02075 «Русский социум в зеркале лексической семантики»).

² Существует версия, что слово *место* в значении ‘какая-либо вещь, предмет, совокупность предметов’, фигурирующее в сочетаниях типа *каждое место, всякое место* ‘всё’, ‘всякая всячина’ (арх., перм., свердл., вят., ср.-урал., тобол.) [СРНГ 18: 130; КСГРС], является финно-угорской семантической калькой (ср. вепс. *kaik sijad* ‘всё, букв. всякое место’, карел. *joga sija* ‘всё, всякое, каждое место’) [Теуш 2015]. Отметим,

что возникновение подобных значений на собственно русской (славянской) почве тоже вполне вероятно, ср. рассуждение В. Н. Топорова о связи пространственной и «предметной» семантики слова *место*: «Если же речь заходит о самом “месте”, то тут возникает вопрос о том, чем оно заполнено, потому что “место” есть прежде всего вместилище чего-то» [Топоров 2004: 27].

³ Логика развития смысла ‘постельные принадлежности’ прозрачна: *место* с наиболее общей семантикой ‘пространство земной поверхности’ → ‘определенное пространство, на котором можно расположиться, поместиться’ (первая фиксация в таком значении – ст.-сл. *мѣсто* ‘специально оборудованное место, где можно разместиться, стоять, сидеть или лежать’ в Остромировом евангелии, 1057 г., см.: [СлРЯ XI–XVII вв. 9: 115]) → ‘постель’ (а также др.-рус., ст.-рус. *мѣсто* ‘украшенное сиденье, кресло, трон’ [там же], *мѣсто* арх. ‘стул, скамья’, сиб. ‘оленья шкура для подстилки’ [СРНГ 18: 128–129]) → ‘постельные принадлежности’. Семантику ‘пространство, где можно поместиться’ продолжает также простореч., диал. *мѣсто* ‘временный орган у беременной в виде оболочки плода; плацента’ [ССРЛЯ 6: 890]: плацента (ср. *детское место*) – пространство, где помещается ребенок.

⁴ Ср. реализацию значения ‘постель’ в фольклорных текстах, например, в рукописном заговоре-присушке: *...Призываю я вас к себе и посылаю я вас к сей рабе (имярек), подите вы и послужите и своего царя, отца Сатану, посудушайте <...> и зажгите, и пострелите, смутите и подкните, искусите сию рабу (имярек), где вы застанете: в ночи на месте, а в день при беседе, в пути, или на дороге...* (женская издевка на похоть, 1734 г., арх.?) [Кляус 1995: 352–353]. Можно предположить, что *место* имеет подобную семантику и в известной присказке *На новом месте приснишь жених невесте*.

⁵ Ср. другие случаи, когда приданое номинируется через обозначения постели и постельных принадлежностей: ульян., с.-прикам., орл., *постель*, с.-прикам. *постеля, постелье, пух, пухи, пуховое*, орл. *выкупная постель*, новг. *постельница*, дон. *подушки*, арх. *перина* и др. [Гура 2012: 322], ср. также сиб. *провожа́тый постѣли* ‘человек со стороны невесты, сопровождающий приданое’ – «Праважаты́й пастели приданна визѣт» [ЧРДФ: 104].

⁶ О ритуалах приготовления и опробования брачного ложа, использования постели в качестве свидетельства «честности» невесты и др. см.: [Гура 2012: 331–337].

⁷ О реализации эротической семантики на акциональном и вербальном уровнях свадебного обряда (в том числе в свадебном фольклоре), а также о сексуальном поведении его участников

см. хотя бы: [Варганова 1995; Гуржий 1995; Иванова, Кляус 1995; Кирюшина 1995; Кулагина 1995; Логинов 1999: 167–168; Милорадович 1894; СД 5: 592–593].

⁸ Ср. то же при уточнении свойств пространства: влг. *водоплавное мѣсто* ‘место, покрываемое водой при разливе’, сиб. *забиенное мѣсто* ‘глухое, захолустное место’, новосиб. *крепкое мѣсто* ‘целина’, горно-алт. *ломкое мѣсто* ‘пересеченная местность’, новосиб. *полое мѣсто* ‘незамерзшая часть реки’, томск. *черное мѣсто* ‘чернолесье’ [СРНГ 18: 130] и т. д.

⁹ Ср. польск. диал. *najczulsze miejsce* ‘penis’ (букв. «самое чувствительное место») [Krawczyk-Tугра 2001: 113].

¹⁰ Ср. еще эвфемизмы с указанием на функцию *места*: разг., шутил.-ирон. *место, которым детей делают* ‘детородные органы’ [БСРП: 397], разг. *место, откуда ноги растут* ‘ягодицы’ [Сеничкина 2008: 196] и пр.

¹¹ Возможно употребление в значениях ‘пах’, ‘penis’, как в пословице *За шапку, так и за место* [Даль ПРН 2: 425], для понимания которой нужно представить движение, с которым хватаются за шапку, висящую на поясе.

¹² Ср. калуж. *обручи* ‘зубья бороны’ [СРНГ 22: 214]. Борона обладает ярко выраженной фаллической и эротической символикой за счет наличия у нее зубьев в сочетании с ячейками, брачной символикой, связанной с «использованием ее в аграрной практике, направленной на достижение плодородия» [СД 1: 236]; боронение – одна из распространенных метафор коитуса, см.: [СД 1: 235–237; 2: 526–527].

¹³ *Жуй* и *нифца* – названия мужского и женского половых органов, написанные «тарабарской грамотой» – с помощью замены букв (подробней об этой примитивной шифровке в рукописных источниках см.: [РЭФ: 594]).

¹⁴ Ср. здесь описание магического обряда, направленного на то, чтоб сделать невесту фригидной: «У русских в Новгородской губ. известен способ порчи невесты с целью сделать ее неспособной к совершению супружеского акта. Для этого колдун перед приездом молодых из церкви незаметно бросает под ноги молодой лягушку или старый лапоть со словами: “Лапоть ты, лапоть, лежишь ты на земле, а теперь пристань к бабьей п...”» [Гура 2012: 526]. Ср. здесь еще укр. диал. (кат.) *Не свисти, бо буде жінка без м*нди* [Номис 1993: 706].

¹⁵ Ср. здесь хрононим *Беспорто́чная неделя* (арх.) ‘неделя перед Масленой неделей. Этой неделей завершался сезон свадеб, поэтому многие торопились вступить в брак именно в это время. Поскольку свадебный обряд предполагает обязательное мытье в бане, то неделя называлась Беспорто́чной’ [РНК: 46].

¹⁶ Среди примеров других поговорок с «двойным дном» следует привести неочевидный – *Не в свои сани не садись*. Е. Л. Березович [2013] показала, что, рассматривая эту прозрачную, на первый взгляд, паремию в широком культурном контексте, можно реконструировать ее эвфемистический смысл – обозначение матримониальной девиации, ситуации, когда младшая сестра выходит замуж вперед старшей.

Список источников

Алексеев М. А., Белоусова Т. П., Литвинникова О. И. Человек в русской диалектной фразеологии: словарь. М.: ИТИ Технологии, 2004. 238 с.

АОС – *Архангельский* областной словарь / под ред. О. Г. Гецовой. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1980–. Вып. 1–.

Афанасьев 1997 – *Народные* русские сказки не для печати, заветные пословицы и поговорки, собранные и обработанные А. Н. Афанасьевым. 1857–1862 / изд. подг. О. Б. Алексеева и др. М.: Ладомир, 1997. 736 с.

БСРП – *Мокиенко В. М., Никитина Т. Г.* Большой словарь русских поговорок. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2008. 785 с.

Даль – *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. 2-е изд. СПб.; М.: Изд. М. О. Вольфа, 1880–1882 (1989). Т. I–IV.

Даль ПРН – *Пословицы* русского народа / сб. В. Даля. СПб.; М.: Изд. М. О. Вольфа, 1879. Ч. 1–2.

«Дубинушка» на свадьбе (публ. Т. В. Кирюшиной) // *Русский эротический фольклор* / сост., науч. ред. А. Л. Топорков. М.: Ладомир, 1995. С. 169–172.

Дуров И. М. Словарь живого поморского языка в его бытовом и этнографическом применении / отв. ред. И. И. Муллонен. Петрозаводск: ИЯЛИ КНЦ РАН, 2011. 453 с.

Зотов Г. В. Словарь региональной лексики Крайнего Северо-Востока России / под ред. А. А. Соколянского. Магадан: Изд-во СВГУ, 2010. 539 с.

Кляус В. Л. Заговоры и магические средства // *Русский эротический фольклор* / сост., науч. ред. А. Л. Топорков. М.: Ладомир, 1995. С. 344–361.

Костромичева М. В. Словарь свадебной лексики Орловщины. Орел: Изд-во ОГПИ, 1998. 218 с.

КСГРС – *картотека* Словаря говоров Русского Севера (кафедра русского языка и общего языкознания УрФУ, Екатеринбург).

ЛКТЭ – *лексическая* картотека Топонимической экспедиции Уральского федерального университета (кафедра русского языка и общего языкознания УрФУ, Екатеринбург).

Малеча Н. М. Словарь говоров уральских (яицких) казаков. Оренбург: Оренб. кн. изд-во, 2002–2003. Т. 1–4.

Меркурьев И. С. Живая речь кольских поморов. Мурманск: Мурман. кн. изд-во, 1979. 184 с.

Номис М. Українські приказки, прислів'я і таке інше / упоряд., приміт. та вступна ст. М. М. Пазяка. Київ: Либідь, 1993. 768 с.

Песни в записях второй половины XIX – XX вв. (публ. А. А. Ивановой, В. Л. Кляуса и А. В. Черных) // *Русский эротический фольклор* / сост., науч. ред. А. Л. Топорков. М.: Ладомир, 1995. С. 99–138.

Подвысоцкий А. И. Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1885. 198 с.

ПОС – *Псковский* областной словарь с историческими данными. Л.; СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1967–. Вып. 1–.

СД – *Славянские древности: этнолингвистический словарь* / под ред. Н. И. Толстого. М.: Междунар. отн., 1995–2012. Т. 1–5.

РНК – *Атрошенко О. В., Кривошапова Ю. А., Осипова К. В.* Русский народный календарь. Этнолингвистический словарь / науч. ред. Е. Л. Березович. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2015. 544 с.

РЭФ – *Русский эротический фольклор* / сост., науч. ред. А. Л. Топорков. М.: Ладомир, 1995. 640 с.

СВГ – *Словарь* вологодских говоров / под ред. Т. Г. Паникаровской. Вологда: Изд-во ВГПИ/ВГПУ, 1983–2007. Т. 1–12.

СВДГ – *Словарь* донских говоров Волгоградской области / под ред. Р. И. Кудряшовой. Изд. 2-е, перераб. и доп. Волгоград: Издатель, 2011. 704 с.

Сеничкина Е. П. Словарь эвфемизмов русского языка. М.: Флинта; Наука, 2008. 464 с.

Сидорович А. В. Русские эротические стихи, загадки, частушки, пословицы и поговорки. СПб.: Ленингр. изд-во, 2009. 320 с. URL: <http://libatriam.net/read/306450/> (дата обращения: 13.07.2016).

СлРЯ XI–XVII вв. – *Словарь* русского языка XI–XVII вв. / гл. ред. С. Г. Бархударов и др. М.: Наука, 1975–. Вып. 1–.

Снегирев И. М. Русские народные пословицы и притчи / изд. подг. Е. А. Костюхин. М.: Индрик, 1999. 624 с.

СОГ – *Словарь* орловских говоров / ред. Т. В. Бахвалова. Ярославль; Орел: ЯГПИ им. К. Д. Ушинского; ОГПУ, 1989–. Вып. 1–.

СРГК – *Словарь* русских говоров Карелии и сопредельных областей / гл. ред. А. С. Герд. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1994–2005. Т. 1–6.

СРГКПО – *Словарь русских говоров Коми-Пермяцкого округа* / науч. ред. И. А. Подюков. Пермь: Изд-во ПОНИЦАА, 2006. 272 с.

СРГНП – *Словарь русских говоров Низовой Печоры* / под ред. Л. А. Ивашко. СПб.: СПбГУ, 2003–2005. Т. 1–2.

СРГС – *Словарь русских говоров Сибири* / под ред. А. И. Федорова. Новосибирск: Наука, 1999–2006. Т. 1–5.

СРГСУ – *Словарь русских говоров Среднего Урала* / под ред. А. К. Матвеева. Свердловск: Ср.-урал. кн. изд-во; Изд-во Урал. ун-та, 1964–1987. Т. 1–7.

СРНГ – *Словарь русских народных говоров* / гл. ред. Ф. П. Филин, Ф. П. Сороколетов, С. А. Мызников. М.; Л.; СПб.: Наука, 1965–. Вып. 1–.

СРСГСП – *Словарь русских старожильческих говоров Среднего Прииртышья* / под ред. Г. А. Садретдиновой. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1992–1993. Ч. 1–3.

ССРЛЯ – *Словарь современного русского литературного языка* / под ред. А. А. Шахматова. М.; Л.: Наука, 1948–1965. Т. 1–17.

ТС – *Тураўскі слоўнік* / склад. А. А. Крывіцкі, Г. А. Цыхун, І. Я. Яшкін. Мінск: Навука і тэхніка, 1982. Т. 1–5.

Фрагменты пинежской свадьбы (публ. А. А. Ивановой и В. Л. Кляуса) // *Русский эротический фольклор* / сост., науч. ред. А. Л. Топорков. М.: Ладомир, 1995. С. 165–168.

ФСПГ – *Фразеологический словарь пермских говоров* / сост. К. Н. Прокошева. Пермь: Изд-во Перм. гос. пед. ун-та, 2002. 431 с.

Эпизоды чухломской свадьбы (публ. А. В. Кулагиной) // *Русский эротический фольклор* / сост., науч. ред. А. Л. Топорков. М.: Ладомир, 1995. С. 173–174.

Эротический фольклор вятской свадьбы (публ. Т. Г. Гуржий) // *Русский эротический фольклор* / сост., науч. ред. А. Л. Топорков. М.: Ладомир, 1995. С. 157–164.

ЭССТСП – *Подюков И. А., Хоробрых С. В., Антипов Д. А.* Этнолингвистический словарь свадебной терминологии Северного Прикамья. Пермь: Перм. кн. изд-во, 2004. 359 с.

ЯОС – *Ярославский областной словарь* / науч. ред. Г. Г. Мельниченко. Ярославль: ЯГПИ им. К. Д. Ушинского, 1981–1991. Вып. 1–10.

Список литературы

Березович Е. Л. Садиться не в свои сани: этнолингвистический комментарий к фразеологизму // *Slavica Svetlanica. Язык и картина мира: К юбилею С. М. Толстой* / ред. А. В. Гура, О. В. Белова, Е. Л. Березович. М.: Индрик, 2013. С. 169–178.

Варбот Ж. Ж. К этимологии праслав. **město* // *Словенска етимологија данас: зб. симпозијума одржаног од 5. до 10. септембра 2006. године* /

ур. А. Лома. Београд: Институт за српски језик САНУ, 2007. С. 57–65.

Варганова В. Сексуальное в свадебном обряде // *Русский эротический фольклор* / сост., науч. ред. А. Л. Топорков. М.: Ладомир, 1995. С. 149–156.

Гура А. В. Брак и свадьба в славянской народной культуре: Семантика и символика. М.: Индрик, 2012. 936 с.

Кулагина А. В. Русская эротическая частушка // *Эрос и порнография в русской культуре* / под ред. М. Левитта и А. Л. Топоркова. М.: Ладомир, 1999. С. 94–162.

Левинтон Г. А. Мужской и женский текст в свадебном обряде (свадьба как диалог) // *Этнические стереотипы мужского и женского поведения* / ред. А. К. Байбурин, И. С. Кон. СПб.: Наука, 1991. С. 210–234.

Логонов К. К. Элементы «порно» в народной культуре русских Карелии // *Эрос и порнография в русской культуре* / под ред. М. Левитта и А. Л. Топоркова. М.: Ладомир, 1999. С. 163–190.

Милорадович В. Деревенская оргия (картинка сельской свадьбы) // *Живая старина*. 1894. № 12. С. 488–491.

Миненок Е. Народные песни эротического содержания // *Русский эротический фольклор* / сост., науч. ред. А. Л. Топорков. М.: Ладомир, 1995. С. 21–31.

Мороз А. Б. Про блины, зятя и тещу // *Живая старина*. 2016. № 2 (90). С. 13–17.

Никольский Н. М. История русской церкви. 3-е изд. М.: Политиздат, 1985. 448 с.

Теуш О. А. Семантическое развитие как результат языкового взаимодействия (на материале севернорусской лексики). Рукопись.

Топоров В. Н. О понятии места, его внутренних связях, его контексте (значение, смысл, этимология) // *Язык культуры: Семантика и грамматика. К 80-летию со дня рождения акад. Н. И. Толстого (1923–1996)* / отв. ред. С. М. Толстая. М.: Индрик, 2004. С. 12–106.

Krawczyk-Gurpa A. Tabu w dialektach polskich. Bydgoszcz: Akad. Wydgoska, 2001. 345 s.

References

Berezovich E. L. Sadiť'sya ne v svoi sani: etnolingvističeskij kommentarij k frazeologizmu [“Sadiť'sya ne v svoi sani”: the ethnolinguistic comment to the phraseological unit]. *Slavica Svetlanica. Jazyk i kartina mira* [Slavica Svetlanica. The language and the world picture]. Ed. by A. V. Gura, O. V. Belova, E. L. Berezovich. Moscow, Indrik Publ., 2013. P. 169–178.

Varbot Zh. Zh. K etimologii praslav. **město* [To the etymology of proto-Slavic **město*]. *Slovenska etimologija danas. Zbornik simpozijuma održanog od 5. do 10. septembra 2006 godine* [Slavic etymo-

logy today. Proceedings of the Symposium, September 5–10, 2006]. Ed. by A. Loma. Belgrade, Institute for the Serbian Language of the Serbian Academy of Sciences and Arts Publ., 2007. P. 57–65.

Varganova V. Seksual'noe v svadebnom obryade [The sexual in a wedding ceremony]. *Russkij eroticheskij fol'klor* [Russian erotic folklore]. Ed. by A. L. Toporkov. Moscow, Ladamir Publ., 1995. P. 149–156.

Gura A. V. *Brak i svad'ba v slavyanskoj narodnoj kul'ture: Semantika i simbolika* [Marriage and wedding in Slavic folk culture: Semantics and symbols]. Moscow, Indrik Publ., 2012. 936 p.

Kulagina A. V. Russkaya eroticheskaya chashtushka [Russian erotic ditty]. *Eros i pornografiya v russkoj kul'ture* [Eros and Pornography in Russian Culture]. Ed. by M. Levitt, A. L. Toporkov. Moscow, Ladamir Publ., 1999. P. 94–162.

Levinton G. A. Muzhskoj i zhenskij tekst v svadebnom obryade (svad'ba kak dialog) [The male and female text in a wedding ceremony (wedding as a dialogue)]. *Etnicheskie stereotipy muzhskogo i zhenskogo povedeniya* [Ethnic stereotypes of male and female behavior]. Ed. by A. K. Bajburin, I. S. Kon. St. Petersburg, Nauka Publ., 1991. P. 210–234.

Loginov K. K. Elementy "porno" v narodnoj kul'ture russkikh Karelii ["Porn" elements in the folk culture of Russians in Karelia]. *Eros i pornografiya v russkoj kul'ture* [Eros and Pornography in Russian Culture]. Ed. by M. Levitt, A. L. Toporkov. Moscow, Ladamir Publ., 1999. P. 163–190.

Miloradovich V. Derevenskaya orgiya (kartinka sel'skoj svad'by) [The rural orgy (the picture of a rural wedding)]. *Zhivaya starina* [Living olden times]. 1894. Iss. 12. P. 488–491.

Minenok E. Narodnye pesni eroticheskogo soderzhaniya [Erotic folk songs]. *Russkij eroticheskij fol'klor* [Russian erotic folklore]. Ed. by A. L. Toporkov. Moscow, Ladamir Publ., 1995. P. 21–31.

Moroz A. B. Pro bliny, zyatya i teshhu [About pancakes, son-in-law and mother-in-law]. *Zhivaya starina* [Living olden times]. 2016. Iss. 2 (90). P. 13–17.

Nicol'skij N. M. *Istoriya russkoj cerkvi* [History of the Russian Church]. 3rd ed. Moscow, Politizdat Publ., 1985. 448 p.

Teush O. A. *Semanticheskoe razvitie kak rezul'tat yazykovogo vzaimodejstviya (na materiale severnorusskoj leksiki)*. Rukopis' [Semantic development as a result of the language interaction (a case study of the Northern Russian vocabulary)]. Manuscript].

Toporov V. N. O ponyatii mesta, ego vnutrennikh svyazyakh, ego kontekste (znachenie, smysl, etimologiya) [On the concept of "space", its internal links, its context (importance, meaning, etymology)]. *Yazyk kul'tury: Semantika i grammatika* [The Language of Culture: Semantics and Grammar]. Ed. by S. M. Tolstaya. Moscow, Indrik Publ., 2004. P. 12–106.

Krawczyk-Tyrpa A. *Tabu w dialektach polskich* [Taboo in Polish dialects]. Bydgoszcz, Akad. Bydgoska Publ., 2001. 345 p.

NEVESTA BEZ MESTA, ZHENIKH BEZ UMA: ON SEVERAL MEANINGS OF ONE PROVERB

Olesya D. Surikova

**Editor in the Toponymic Laboratory of the Department
of Russian Language and General Linguistics
Ural Federal University**

Researcher

Russian State Vocational Pedagogical University

The article considers the meaning of the well-known proverb *Nevesta bez mesta, zhenikh bez uma* and in particular of the polysemantic word *mesto* used in it. Taking into account the matrimonial nature of the proverb, the author examines it in the context of the wedding rite and comes to the conclusion that the proverb is based on the non-distinction of several meanings of the lexeme *mesto*, which are as follows: 'seat place of honor at the wedding', 'marriage portion', 'nuptial bed', and 'vagina'. Depending on the actualized meaning of the word, the bride's unsuitability for the wedding can be explained both in the most innocent and scabrous sense: bride deprived of her proper place at the wedding table; bride without marriage portion; bride incapable of sexual life or dishonest. To confirm the hypothesis, the author analyzes the Russian dialect, colloquial and slang vocabulary, some lexical facts in other Slavic languages as well as folklore texts (proverbs, riddles, ditties, songs, love charms, tales) in which the word *mesto* is an euphemism and calls the female genital organs. The meanings of a number of "dark" words (*maloye mesto*) and proverbs (*Dobivay shilo v cheren! Osazhivay obruchi do mesta!*) are reconstructed.

Key words: Russian dialect lexicology; folklore; ethnolinguistics; semantic-motivational reconstruction; theory of polysemy; wedding rite.